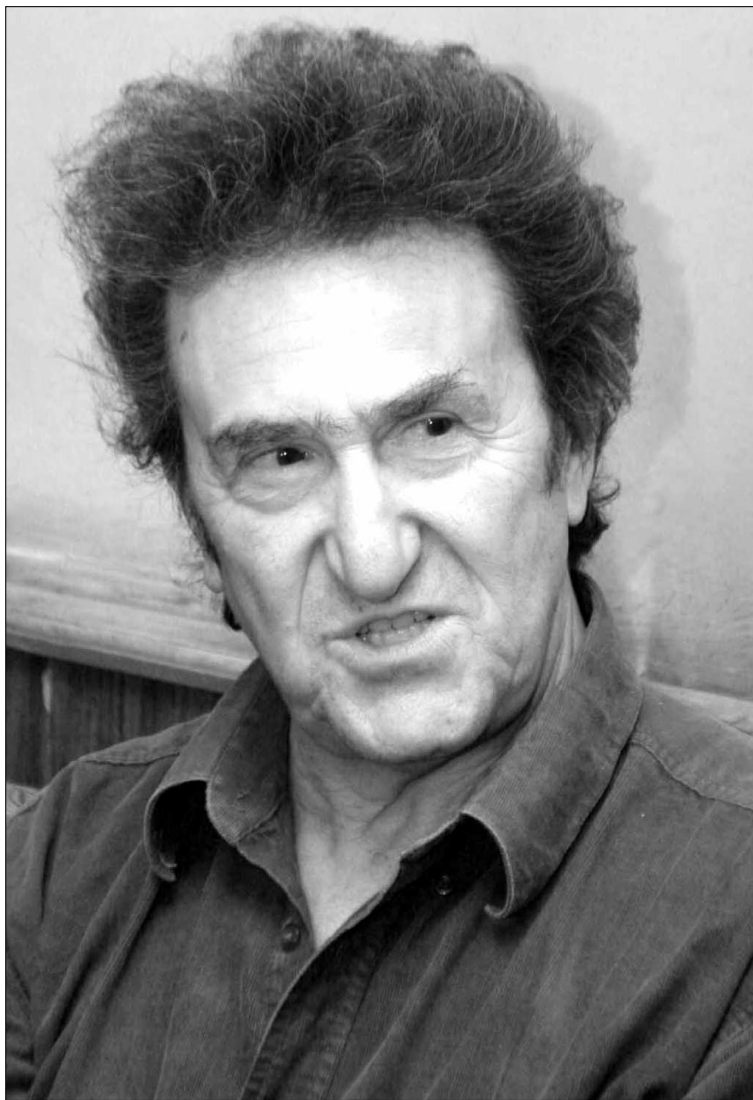

«В БЛАЖЕННОЙ РОЛИ НАБЛЮДАТЕЛЯ»

Автор неувядаемых "гариков" всех времен и народов (по крайней мере, русскоязычных), Игорь Губерман, вновь посетил Одессу.

— Игорь Губерман, кроме того, что он сидел в камере с заключенным по кличке "Одесса", еще чем-нибудь связан с Одессой?

— Безумным количеством... Юношеским обожанием Паустовского, знанием наизусть километров ранних стихов Веры Инбер — не детских: она ведь в начале века писала настоящие стихи. Людями, с которыми здесь общался. Я ездил по всему миру, это не преувеличение, везде невероятно заметны одесситы. Вы-то это чувствуете как урон, а я, когда приезжаю — как удачу. Например, Брайтон Бич — это Одесса, и там очень трудно читать стихи. Сидят первые ряды с каменными мордами: "Мы из Одессы — что ты нам можешь смешного рассказать?" Есть некий спортивный азарт...

— Есть места, куда я езжу с удовольствием, и есть места, куда я езжу, чтобы прокормить семью. Одесса — это большое удовольствие.

— Вы — зять Лидии Либединской. Еще один зять, я его хорошо помню, Гриша Патлас, учился у моей жены на курсах киноактеров.

— Все пропало! Школа Вашей жены пропала, потому что Гриша стал раввином. Он со всем пылом еврейского юноши сначала впал в христианство, это часто бывало на просторах Российской империи. Теперь он убежденный, пламенный раввин, учился в иешиве, продолжает учиться. У него десятки преданных учеников, и разговаривать с ним стало намного тяжелее. Он теперь знает все, у него на все есть ответ.

— Продолжаете ли Вы писать "гарики"? Или устали от этой формы, захотелось чего-нибудь другого, например, написать поэму? Или Вы в "гариках" себя в достаточной мере реализуете?

— Ваш вопрос напомнил мне традиционный ответ следователю: "Не шейте мне новое дело". Нет, "гарики" я пишу, хотя гораздо меньше. Издал две книжки новых стихов и книгу воспоминаний. У меня сейчас время писать мемуары.

— Вашу старую книжку я однажды купил на одесском Староконном базаре, увидев Ваш автограф: "В борьбе за народное дело я был инородное те-

ло"... Вы до сих пор ощущаете себя "инородным телом"?

— По счастью, да. Я в стороне от политической жизни, и в Израиле в том числе. У нас она кипит чудовищно... Представляете себе страну, в которой пять миллионов евреев...

— Это пять миллионов партий.

— Ну, чуть-чуть меньше, вдвое — втрое... Но это восемь миллионов мнений. Я ощущаю себя в блаженной роли наблюдателя: ни в какой жизни не участвую — ни в общественной, ни в политической...

— А в литературной? В литературной жизни России, Израиля?

— Думаю, что тоже нет. Я не люблю этих слов — "литературный процесс", "литературная жизнь". Помните, у Блока: "Там жили поэты, и каждый встречал / Другого надменной улыбкой..." И в России, и в Израиле — все совершенно одинаково...

— Вот я слышал, как Татьяна Толстая и Дуня Смирнова пытались Кибирова, говорили ему о том, что он лучший поэт России; я так не считаю. Есть ли у Вас сегодня тройка — пятерка любимых поэтов?

— Да, безусловно, и к ним относится Кибиров в первую очередь. Я очень не люблю эту передачу — "Школа злословия" — и спокойно об этом говорю, потому что я профессиональный журналист, долго работал на радио, телевидении, и, мне кажется, непрофессионально разговаривать с человеком, немедленно обсуждая его приватно и переносить это на экран.

Кибиров, по-моему, один из первых поэтов России. Двух поэтов я читаю с наслаждением, и если бы у меня были деньги, я бы заставил этих людей жить в такой башне, чтобы они писали только стихи. Я говорю о Кибирове и Игоре Иртеньеве: оба — потрясающие поэты, с потрясающей душой. Иртеньева я просто обожаю. У него такая потрясающая смесь обзриутов и Зоценко. Но есть еще очень хорошие поэты...

— А "школа Бродского"?

— Вы имеете в виду Наймана, Рейна? Нет, это несерьезные, на мой взгляд, поэты, это такие "ахматовиоиды", "мандельштамоиды". И потом, они старые... А я имею в виду тех, кто в самой поре. Время от времени попадают потрясающие молодые поэты.

— А в Израиле русских поэтов можете назвать? Я знаю одесситов, уехавших в Израиль... Рита Бальмина, например.

— Потрясающая поэтесса! Клянусь, я бы ее первой назвал, но она уехала в Америку... В Израиле есть несколько поэтов, но чтобы это было явление... Там чрезвычайное количество поэтов: ведь сейчас все стало подругому, не надо стоять в очереди, есть пятьсот — тысяча долларов — можешь издать книжку.

Они мне присылают свои стихи для рекомендации в Союз писателей. Я обычно прошу, чтобы не присылали стихи, а только сообщали адрес, и я пришлю рекомендацию.

— Вот Вы сказали, что пишете мемуары. А просто прозу — не тянет ли?

— Очень тянет, но я не прозаик, и все, что я писал, очень слабо... Я написал... не роман, портрет — восстановил судьбу одного потрясающего человека, Николая Бруни, он был поэт, прозаик, музыкант, незаурядный художник, скульптор. Но это не проза в том смысле...

— В доме Либединской, я знаю, был культ Крученых, любил обзриутов, ценили настоящую литературу.

— Вы знаете, как к поэту, теще относится ко мне без уважения (смеется).

— Вы в этом доме почерпнули что-то, я имею в виду — книжные полки, разговоры?..

— Думаю, что да. Я очень люблю тещу, это редкость, конечно...

— Несмотря на то, что она вдова Либединского?

— А я Либединского не осуждаю, как не осуждал всех такого рода писателей, даже Фадеева, потому что время было чудовищное — ломало, гнуло и коверкало; и совершенно неизвестно, как бы мы себя вели. Никто же не знает, как будет себя вести на допросе, под пытками, в тяжелых ситуациях. Жили под таким прессом, их вполне можно понять.

Мне у тещи всегда очень интересно, у нее сумасшедший вкус к литературе и знание ее невероятное, невероятное чувство талантливых людей. Я с наслаждением общался у тещи с Тоником Эйдельманом. Святой памяти человек, историк, к сожалению, сегодня начисто забытый молодыми. Гриша Горин, профессор Давидович — одесстит, кстати... Много хороших людей.

— У Вас расписано время так, что Вы знаете, где будете через месяц, через два?..

— Нет, я бездельник, время мое абсолютно не расписано, даже на неделю вперед. Я очень ленивый, месяцами сижу дома за компьютером, читаю книжки, читать я очень люблю. Могу обидеть Ваш литературный вкус, но, тем не менее, скажу — Акунина обожаю.

— Я понимаю, что он мастер, умница, очень много знает. Он придумал систему, но очень долго работает в одной и той же системе, боится из нее выскочить.

— "Чайкой" и "Гамлетом" он выскочил. Но его цикл с Фандориным — совершенно блестящий. Не забывайте, что тот же самый Акунина под своей настоящей фамилией Чхартишвили написал изумительную вещь.

— О самоубийстве, да.

— Очень люблю Пелевина, кроме последних двух книг. Чапаев и

Пустота" — замечательно. Люблю женщин-прозаиков. Во-первых, я обожаю Дину Рубину (может, еще и потому, что дружу с ней), и мне кажется, что она очень крупный писатель. Люблю прозу Улицкой.

Я читаю толстые российские журналы, штук пять: "Звезда", "Новый мир", "Октябрь"...

С мазохистским наслаждением читаю журнал, который Вы наверняка не читаете, будучи интеллигентом и снобом. Есть такой "черный" журнал "Наш современник", читать его безумно интересно. Он сохранился по-прежнему злобным и бездарным, но в нем отражены... не люблю слова "духовность", а "ментальность" тем более, потому что мне кажется, что оно произошло от слова "мент"... процессы какие-то умственные, происходящие в России. Во-первых, сразу понятно, кто виноват во всем...

— В Одессе бывал Вадим Кожин, бывал у меня на даче, и самое смешное, что лет сорок назад он приехал по рекомендации...

— Бахтина небось...

— Нет, Бориса Слуцкого — как начинающий и очень прогрессивный. Он многое сделал...

— Безусловно. Нет совсем однозначных людей...

— На эстраде Вы читаете наизусть?

— Нет, у меня такие листочки, "костыли", я в них подглядываю. А то, что помню, читаю друзьям, там неформальная лексика...

— Кстати, о неформальной лексике. То, что Вы ее употребляете, знает весь народ России. Ее употребляли и Лермонтов, и Пушкин. Вопрос — в какой мере и когда? Одно дело — в письме другу, другое — в печати. Вы играете тут, или Вам кажется, что обедняет русский язык, если Вы не будете его пользоваться "вширь и вглубь"?

— У меня нет на этот счет убежденного, точного ответа. В молодости, когда я только приступал, это было смешно, но очень быстро стало органикой. Мне кажется, на самом деле это естественная часть "великого и могучего". Обратите внимание: если бы авторы были пуритане, то не было бы Юза Алешковского, огромного прозаика, не было бы Венички Ерофеева, гениального автора.

Стоит ли "съезжать" на неформальную лексику? Когда какой-то 12-летний подросток ругается матом в подъезде, чтобы девочка Настя поняла, что он взрослый, это, конечно, низкое употребление. А вот на заборах — высокое.

— Спасибо. Приезжайте почаще в Одессу.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
(при участии Инны НАЙДИС).

Фото Олега Владимировского.

БИТВА ЗА ГОНОРАР

Момент был подходящий: судя по афишам, в город приезжает Жванецкий. Я поставил последнюю точку, перечитал написанное и с удовольствием подумал:

— А ведь у меня и впрямь не хуже, чем у Михаила Михайловича.

Впрочем, что в этом особенного. Нужно только в определенных местах текста вставлять монологи типа "Так это было, или этого не было? Так этого не было, или это было?", а промежутки заполнять междометиями. В общем, предвкушая приличный гонорар, бросил рукопись в дипломат и без малейших колебаний отправил в редакцию. Заведующему литотделом лаконично представился:

— Михаил Михайлович Жванецкий, — и протянул рукопись.

— Жванецкий? — удивился зав, — но...

— Так "но", или вы прочитаете рукопись? — отпарировал я.

Через пять минут рукопись была прочитана, но недоверие зав не исчезло.

— Вы уж меня извините, — отважился завлитотделом, — но у Жванецкого лицо как-то круглее и, простите, животик побольше.

Целую неделю я подгонял лицо и живот под Жванецкого, благо моей зарплаты как раз хватило на пару буханок хлеба в день.

— Ну, теперь-то вы признаете во мне Жванецкого? — спросил я

зав, усаживаясь в кресло. — Как говорят в Одессе: "Таки да или таки нет?"

Зав внимательно осмотрел меня, помялся и, наконец, произнес:

— Понимаете, до пояса вы действительно похожи на Жванецкого: и лысына есть, и лицо круглое, и животик — слава Богу. Но Михаил Михайлович, как я уловил из телепередач, ходит в джинсах, а на вас, извините, приличные доперестроечного периода брюки.

В сарае, среди тряпья, я отыскал старые изношенные джинсы, расширил в поясе, вставил клин и пошел в редакцию.

— Послушайте, — набросился я на завотделом, — весь мир знает

Жванецкого, один вы не знаете. Что теперь вам не так?

Побледневший зав долго молчал, затем, заикаясь, выдал:

— Весь мир знает не только самого Жванецкого, но и его знаменитый портфель. А у вас на коленях замшевый дипломат с никелированной табличкой и дарственной гравировкой на ней: "Дорогому юбиляру Ю.Д. Полискому от друзей".

— Как можно было так опростоволоситься? — грыз я себя по дороге домой.

Но не сдаваться же, когда до финиша буквально шаг. И старый рыжий портфель с поломанными замками, в котором по вечерам я выносил мусорные пакеты, завершил ансамбль "а ля Жванецкий".

...Я выскочил из автобуса, одолел последний угловой поворот и вышел на финишную прямую. В

каких-то пятнадцати метрах виднелась заветная редакционная дверь, ручку которой тянул на себя... сам Михаил Михайлович Жванецкий. Сомнений быть не могло: во-первых, афиши, а во-вторых, точь-в-точь как по телевизору: лысына, животик, джинсы и знаменитый портфель.

Все. Битва за гонорар была проиграна.

Никем не замеченный и уничтоженный, я стоял, не имея сил сдвинуться с места. А когда за Жванецким захлопнулась дверь, я услышал, как надбывавшая за входом из открытого окна приемной бдительная секретарша крикнула заведующему литотделом:

— Сергей Петрович! Приготовьтесь: опять этот Полицкий пришел!

Юрий ПОЛИССКИЙ.